

Глава двадцать третья

Шэнь Цинчжоу ужаснулся увиденному. Он бережно приоткрыл угол тонкого одеяла и осторожно коснулся запястья Лочэня. Ощувив ровный, хотя и слабый пульс, он наконец немного успокоился: лежащий на постели юноша хоть и был без сознания, но внутренние органы не пострадали, так что прямой угрозы для жизни пока не было.

Тихо выдохнув, Шэнь Цинчжоу аккуратно откинул простыню до конца. Лочэнь был совершенно наг, если не считать тонких нательных штанов. Вся его грудь и живот были покрыты россыпью свежих багровых кровоподтеков — следов жестоких ударов кулаками и палками. Но еще страшнее выглядели колени: они почернели от запекшейся крови и распухли до размеров кулака. Было очевидно, что несчастного заставили простоять на коленях непомерно долго.

Шэнь Цинчжоу нахмурился. Он хотел было перевернуть Лочэня, чтобы осмотреть спину, но побоялся потревожить. Пока он медлил в нерешительности, юноша слабо шевельнул бледными губами, и он медленно открыл глаза.

Взгляд Лочэня поначалу казался туманным, растерянным и беззащитным, но в следующее мгновение в его взгляде точно отразились далекие звезды — они вспыхнули мягким, чистым светом, отозвавшимся в душе Шэнь Цинчжоу щемящей нежностью.

— Я виделся с Сицюанем, — Шэнь Цинчжоу мягко улыбнулся Лочэню. — Ты ведь знал, как меня зовут. Почему же не сказал управляющему, что эти золотые бусины дал тебе именно я?

Лочэнь посмотрел на Шэнь Цинчжоу и, прикрыв глаза, едва заметно покачал головой.

Шэнь Цинчжоу не понял этого жеста. Он уже открыл было рот, намереваясь сказать, что немедленно заберет Лочэня отсюда и покажет лекарю, но внезапно осекся. По щекам юноши беззвучно покатались горячие слезы. У Шэнь Цинчжоу болезненно застучало в висках. С трудом сдерживая бурю непонятных ему самому чувств, он ласково произнес:

— Не беспокойся ни о чем. Раз уж я обо всем узнал, то не оставлю тебя здесь. Сначала я уведу тебя отсюда, а со всем остальным разберемся позже.

С этими словами он бережно накинул на юношу одеяло и уже собирался подхватить его на руки, как Лочэнь резко открыл глаза. Сквозь пелену слез в его взгляде проступила непреклонная твердость. Он снова покачал головой и, из последних сил протянув руку, крепко вцепился в рукав Шэнь Цинчжоу.

Шэнь Цинчжоу на мгновение задумался.

«Куда мне его везти? — он нахмурился, взвешивая каждый шаг. — Даже если стража этой проклятой обители не посмеет встать у меня на пути, Лочэнь слишком слаб, его нельзя сейчас

тревожить. А в Линьане у меня нет надежного угла...»

Юноша был жестоко избит, ему требовался покой и постоянный уход. Шэнь Цинчжоу не мог обременять своих линьаньских друзей подобными заботами. А вести его в убогую лачугу той матери с двумя дочерьми тоже не стоило: они зарабатывали на жизнь телами, там вечно толпился народ и не было ни минуты тишины. Как бы доброжелательны ни были женщины, их жилье не подходило для выхаживания раненого.

Прежде чем забирать Лочэня, нужно было подыскать для него безопасное и уединенное пристанище.

Взвесив все за и против, Шэнь Цинчжоу примиряюще улыбнулся и мягко похлопал юношу по ладони.

— Хорошо, пусть будет по-твоему. В твоём состоянии лишняя тряска ни к чему. Сначала я найду лекаря... Скажи, ты хочешь пить?

На этот раз Лочэнь согласно кивнул.

Шэнь Цинчжоу приметил в углу ведро, в котором плескалось немного воды — должно быть, ее набрал Сицюань. Оглядевшись, он не нашел в комнате даже намека на очаг. Давать раненому сырую воду было опасно: подхвати он сейчас лихорадку или расстройство желудка, его положение стало бы совсем отчаянным.

— Я сейчас вернусь, принесу горячей воды, — бросил Шэнь Цинчжоу и поспешил на кухню Башни Красного и Зеленого.

Кухонный слуга, оглядев его дорогой наряд, сильно удивился, что господин лично явился в такое место за водой, но расспрашивать не решился. Он торопливо наполнил большой чайник кипятком и с поклоном передал гостю.

Вернувшись, Шэнь Цинчжоу застал Лочэня за тем, что тот, преодолевая ломоту в избитом теле, пытался натянуть на себя одежду. Онемевшие пальцы его плохо слушались.

Поставив чайник на стол, Шэнь Цинчжоу покачал головой и не удержался от мягкой усмешки:

— Ложись обратно. Мы уже предстали друг перед другом без прикрас, к чему теперь эти глупые приличия?

От этих слов Лочэнь мгновенно покраснел. Замерев в полнейшем смятении, он растерянно прижал к себе рубаху, не зная, куда девать глаза.

Шэнь Цинчжоу тихо вздохнул, подошел ближе и, бережно придерживая юношу, помог ему лечь обратно на постель. Оглядев комнату, он спросил:

— У тебя есть чашка? Кипяток слишком горячий, нужно налить его куда-нибудь, чтобы остыл.

Лочэнь слабо указал на старый комод в углу. Шэнь Цинчжоу выдвинул один из ящиков, достал оттуда глиняную пиалу, тщательно ополоснул ее крутым кипятком и, налив совсем немного воды, поднес к сухим губам юноши.

Лочэнь дрожащими руками принял пиалу и жадно, в один глоток осушил ее. Шэнь Цинчжоу забрал посуду и снова плеснул туда самую малость, едва прикрывая донышко.

Так повторилось несколько раз. Наконец Лочэнь поднял глаза на Шэнь Цинчжоу, а затем умоляюще перевел взгляд на чайник, безмолвно прося налить побольше.

Шэнь Цинчжоу покачал головой:

— Нельзя. Вода слишком горячая, да и вредно пить так много за один раз, когда ты истощен. Пей понемногу, так жажда пройдет быстрее.

Лочэнь разочарованно поморщился, но спорить не стал. Ему оставалось лишь покорно принимать заботливую опеку. Прошло немало времени, прежде чем они по капле осушили весь чайник.

Шэнь Цинчжоу поставил пустой чайник на стол и с улыбкой повернулся к Лочэню:

— А теперь отдыхай. Я пойду переговорю с вашим управляющим. Сицюань, как только освободится, тоже прибежит к тебе, так что не переживай ни о чем.

Не дожидаясь ответа, Шэнь Цинчжоу вышел из каморки. На пороге его лицо мгновенно преобразилось: мягкая улыбка растаяла, уступив место ледяной суровости. Решительным шагом он направился к покоям главного управляющего Башни Красного и Зеленого.

О том, кто на самом деле владеет столь прибыльным заведением, как Башня Красного и Зеленого, в цзянху ходило множество самых невероятных слухов, однако ни один из них не заслуживал доверия. Впрочем, главный управляющий постоянно находился здесь, и отыскать его не составляло труда.

Это роскошное заведение, где сильные мира сего спускали целые состояния, полностью оправдывало свое название. Оно делилось на «красную» половину, где увядали подобные прекрасным цветам девы, и «зеленую», где гостей ублажали юноши, стройные как молодой бамбук. Все хозяйство находилось под началом единого главного управляющего, в то время как надзиратели, сводницы и слуги рангом ниже строго делились между Красной и Зеленой

палатами.

Шэнь Цинчжоу одним ударом ладони распахнул дверь в кабинет главного управляющего.

Главный управляющий оказался заурядным мужчиной средних лет. Его ничем не примечательное лицо портила разве что крупная бородавка возле левого уголка губ. Как и большинство дельцов, он предпочитал решать дела миром, полагая, что лад приносит богатство. При виде столь бесцеремонного вторжения его лицо вытянулось от гнева, став похожим на лошадиную морду, но стоило ему заметить благородную осанку Шэнь Цинчжоу, как он тут же взял себя в руки. Скрыв раздражение, он оскалил неровные зубы в радушной улыбке:

— Достопочтенный гость, из каких вы покоев будете? Верно, ошиблись дорогой?

Конечно, управляющий прекрасно понимал, что забрести сюда случайно чужак не мог: этот двор был закрыт для посторонних, а на входе стояли опытные, искусные в боевых искусствах стражники. Но, будучи тертым калачом в цзянху, он решил дать незваному гостю возможность отступить без лишнего шума. Если парень проявит благоразумие, они разойдутся миром.

Однако Шэнь Цинчжоу и не думал отступать. Размашистым шагом он вошел в комнату. Там сидели и стояли еще несколько человек — все они уставились на него в немом изумлении. Посреди кабинета высился огромный палисандровый стол, заваленный стопками прошитых тетрадей. Под онемевшими взглядами присутствующих Шэнь Цинчжоу бесцеремонно подошел ближе, взял одну из книг и небрежно пролистал ее. Разношерстные записи и столбцы цифр не оставляли сомнений: это были гроссбухи Башни Красного и Зеленого.

Шэнь Цинчжоу усмехнулся. Должно быть, эти люди были местными счетоводами и приказчиками. Всякое крупное дело требует строгого учета, а в таком прибыльном вертепе всего за несколько месяцев скапливались горы бумаг. Если вовремя не приводить их в порядок, за пару лет эти фолианты разрастутся так, что в них сам черт ногу сломит.

— Послушайте, молодой человек, — видя, что наглец ведет себя как у себя дома, управляющий закипел от злости, но все же сдержался. Дождавшись, пока у дверей бесшумными тенями вырастут свирепые охранники, наглухо перекрывшие выход, он ледяным тоном продолжил: — Здесь вам не бордель. Если желаете развлечься с девицей или юношей, я велю проводить вас в гостевые покои и подобрать кого угодно на ваш вкус. С вас возьмут лишь вполцены — считайте это дружеским жестом от меня, управляющего Лу. Что скажете?

Управляющий по-прежнему надеялся замять дело миром. Будучи человеком неглупым и проницательным, он прекрасно видел, что Шэнь Цинчжоу явился сюда с явным намерением затеять ссору. А раз у него хватило духу залезть в логово тигра, значит, за ним стояла либо незаурядная сила, либо весьма могущественные покровители.

Судя по холеному, красивому лицу и изящным манерам юноши, управляющий склонялся ко второму варианту. Этот нежный щеголь, утонченный как резной нефрит, никак не походил на

сурового бродягу из цзянху, привыкшего решать споры сталью.

Но Шэнь Цинчжоу был не из тех, кого можно улестить или запугать. Поигрывая гроссбухом, он насмешливо взглянул на управляющего Лу:

— Оставьте ваши щедроты себе. Даже если вы предложите мне развлекаться тут бесплатно до конца дней, это не вернет того, что вы у меня украли. Если вы дорожите своей шкурой, то сейчас же вернете каждую из золотых бусин, что отобрали у Лочэня, и подпишете бумагу о его освобождении. Коли хотите по закону — пойдем в управу. Я знаю, что за вами стоит вся пристань Линьяня, но предупреждаю сразу: закон вам не поможет. Если же хотите по-нашему, по-хорошему... Что ж, тогда я заберу и золото, и парня, а напоследок сравню этот бордель с землей, просто чтобы развлечься на досуге.

Управляющий побагровел от ярости, на висках вздулись вены. Он уже открыл было рот, чтобы приказать страже вышвырнуть наглеца вон, как вдруг осекся и застыл с выпученными глазами, забыв, как дышать.

Толстая, прошитая нитями книга в руках Шэнь Цинчжоу в одно мгновение рассыпалась в прах, превратившись в тончайшую серую пыль. Она заструилась сквозь его пальцы, устилая землю у его ног крошечной горсткой.

В кабинете повисла мертвая тишина. Стоявшие за спиной Лу охранники побледнели, а двое старших невольно сделали шаг назад. Башня Красного и Зеленого не скупилась на плату и нанимала лишь лучших бойцов, но именно потому, что эти люди были мастерами своего дела, они сразу поняли, какая чудовищная внутренняя сила скрывалась за этим внешне небрежным жестом юноши. Теперь каждый из них лихорадочно соображал, хватит ли у него мастерства, чтобы пережить схватку с этим демоном.

Шэнь Цинчжоу небрежно похлопал ладонью о ладонь, сдувая остатки серого пепла. Лицо его озаряла прежняя беззаботная улыбка:

— Ну что, почтенный управляющий Лу? Кажется, я уничтожил один из ваших гроссбухов. Должно быть, теперь у ваших счетоводов прибавится работы? Советую хорошенько подумать, согласны вы на мои условия или нет. Коли откажетесь, боюсь, все книги на этом столе превратятся в дорожную пыль.

— Да как ты... — управляющий побагровел, его веко судорожно дернулось, но он все же заставил себя натянуть подобие вежливой маски. — Ваш покорный слуга Лу решительно не понимает, о чем изволит толковать молодой господин. Что еще за золотые бусины? И кто такой этот Лочэнь? Вы ведете себя столь вызывающе, потому что сочли хозяев Башни Красного и Зеленого беззубыми слабаками?

— Не знаете? — улыбка Шэнь Цинчжоу мгновенно растаяла, а взгляд оледенел.

Присутствующие не успели даже глазом моргнуть, как комната наполнилась тонким стальным свистом. Меч Шэнь Цинчжоу, выхваченный из ножен неуловимым движением, пробил насквозь целую стопку тяжелых гроссбухов и по самую рукоять вонзился в дубовую столешницу.

— Раз уж вы глухи и слепы, не обессудьте: испытывать мое терпение дальше я не позволю.

— Стойте! Пощадите! — раздался истошный, полный животного ужаса вопль.

Из тени выкатился какой-то человек. Он с размаху рухнул на колени у ног управляющего Лу, принявшись неистово биться лбом о доски пола, а затем истошно запричитал:

— Управляющий Лу, во всем виноват я, ничтожный! Я ведь не знал, что эти проклятые бусины принадлежали благородному господину и что он сам отдал их этому паршивцу-слуге...

Не дав трусу договорить, Шэнь Цинчжоу рванулся вперед, мертвой хваткой вцепился ему в воротник и наотмашь влепил две хлесткие, сокрушительные пощечины.

Швырнув обмякшее тело обратно к ногам управляющего, он ледяным тоном процедил:

— Еще раз назовешь его паршивцем — и я вырву твой поганый язык вместе с зубами.

<http://bllate.org/book/19915/2040858>